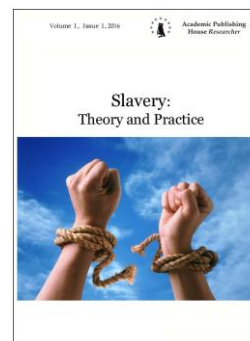

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2018, 3(1): 31-39

DOI: 10.13187/slave.2018.1.31

www.ejournal43.com

“I Ran Away to My People...”: Fates of Poles Captivated by Highlanders of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century

Yu.Yu. Klychnikov ^{a,*}, S.S. Lazaryan ^a^a Pyatigorsk State University, Russian Federation

Abstract

The work reveals circumstances of captivating natives of Poland by highlanders of the Northern Caucasus. It appreciates military and political reasons the Poles had to be in the region. It also shows their difficulties in a strange land, restored by their stories. The article describes the Russian authorities' steps to make out the circumstances of highlanders' captivating and arranging their life. It traces the way “My people” and “Alien people” meanings changed in the mind of Poles in the extreme situations.

Keywords: Poles, highlanders, captivity, bondage, escape, war, raid, borderland, border, Empire.

1. Введение

Российско-польские отношения в XIX в. были далеки от идиллии. Неоднократно имели место конфронтации, заложниками и жертвами которых становились рядовые обыватели. Через их судьбы можно взглянуть на происходившие процессы глазами непосредственных участников. И здесь жизненные перипетии поляков, которые оказались на Кавказе и были захвачены в плен горцами, весьма наглядны. Обстоятельства их появления в крае связаны сразу с несколькими эпохальными событиями. Речь идёт о наполеоновских войнах, социально-политических потрясениях, вызванных стремлением поляков восстановить свой суверенитет, и вооружённом противостоянии на Северном Кавказе, имевшем место в ходе присоединения этих земель к Российской империи. Все эти процессы причудливо преломились в судьбах этих людей, скудные сведения о которых содержатся в официальных документах, сохранившихся в фондах Государственного архива Ставропольского края.

2. Материалы и методы

Для рассмотрения заявленной темы были взяты труды отечественных историков (Д.С. Дударев, С.Л. Дударев, Ю.Ю. Клычников, О.В. Матвеев, Т.П. Петерс, И.В. Цифанова, А.А. Цыбульникова и др.) и иностранных специалистов (Т.М. Баррет, В. Сливовская и др.), которые в той или иной степени поднимают вопросы, связанные с проблемами плена и рабства на Кавказе, изучают российско-польские отношения в контексте исторического процесса в первой половине XIX в. Привлекаются мемуары современников и участников исследуемых событий (Х. Ван-Гален, А.С. Грибоедов, М.Ф. Фёдоров, К. Kalinowski и др.). Анализируются опросные листы выбежавших из горской неволи поляков, которые хранятся

* Corresponding author

E-mail addresses: klichnikov@mail.ru (Yu.Yu. Klychnikov), aflost@yandex.ru (S.S. Lazaryan)

в Государственном архиве Ставропольского края. Используются тематические сборники документов, в которых осуществлена подборка информации по конкретной теме (АКАК).

В основе статьи лежат такие общезначимые для науки принципы как объективность, всесторонность, историзм. Опираясь на методы исторического исследования анализируются источники, которые раскрывают специфику горского плена, в котором оказались выходцы из Польши. Часть из используемых документов впервые вводится в научный оборот. Отсюда – широкое применение нарративного метода, благодаря чему подбор и изложение материала приобретает внутреннюю логику, исходит из определённых причинно-следственных связей. Благодаря историко-генетическому методу стало возможным показать обстоятельства появления значительного числа поляков в регионе, связать это с событиями, происходящими в Европе и в Российской империи в первой половине XIX в. Затрагивается проблема конструирования образа «Другого», в следствие чего мы видим изменения в отношении поляков, оказавшихся в экстремальных условиях неволи, к русским.

3. Обсуждение и результаты

Северный Кавказ в рассматриваемый период относился, пожалуй, к одной из наиболее беспокойных окраин Российской державы. Немалая часть местных сообществ не желала принимать те правила жизни, которые несла империя, и упорно держалась за привычный уклад, неприемлемой стороной которого была набеговая традиция. Её появление и устойчивость были связаны с целым комплексом факторов, среди которых выделяют экономическую целесообразность и социальную необходимость. Скудость местных ресурсов заставляла горцев искать дополнительный источник доходов в добыче, которую они получали в результате успешного грабежа. Кроме того, местное юношество получало необходимый военный опыт, могло продемонстрировать свою удачу и таким образом зарабатывать авторитет среди соплеменников (Карпов, 1996: 276-283). В воспоминаниях Хуана Ван-Галена, испанца на русской службе, по этому поводу говорилось: «...сыновья с двенадцатилетнего возраста принимают участие в грабительских набегах вместе со своими отцами, деля с ними все опасности...» (Ван-Гален, 2002: 352). Набеги явились важной частью «престижной экономики» и институтом социализации, найти альтернативу которым в сложившихся обстоятельствах было весьма затруднительно.

Обращают на себя внимание сведения, которые поведал читателям своих воспоминаний Карол Калиновский. Он оказался на Кавказе после обвинения в антиправительственной деятельности и в 1846 г. попал в плен к горцам, но сумел сбежать от них. К. Калиновский рассказал, как был организован «бизнес-проект» по торговле «живым товаром», в котором участвовали и дезертиры, скрывавшиеся в горах. Примечательно, что при наличии достаточно критического отражения российской действительности (жизнь в крепости после плена показалась ему «мёртвой») и восторженных оценках некоторых сторон горской жизни («где все дышит свободно с жизнью природы»), этот автор всё же стремился вырваться к русским и помогал в освобождении таких же несчастных пленников, которые оказались в неволе (Kalinowski, 1883: 119-125).

После присоединения Грузии одной из первоочередных задач для России стало установление контроля над Северный Кавказом. Стремление получить прочные южные рубежи в условиях достаточно неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры толкало империю на жёсткие шаги по обузданию «буйной вольности» местных народов (Клычников, Цыбульникова, 2011: 10-37). Те, в свою очередь, были не прочь привычными способами поправить своё благосостояние, устраивая нападения на русские поселения и продолжая периодически вторгаться в Закавказье. Сложилась причудливая ситуация «мира-войны», которая была характерна для фронта как территории неопределённости (Баррет, 2000: 163-194). Потребовались десятилетия упорной борьбы, прежде чем удалось преодолеть этот многофакторный кризис. В него, нередко против своей воли, оказывались втянутыми и некоторые поляки.

Впрочем, далеко не все они появлялись здесь с «клеймом неблагонадёжного». Большинство служивших на Кавказе выходцев из Польши, как и другие подданные империи, были призваны в кавказские войска в качестве рекрутов, что никак нельзя приписать исключительно «карательной политике царизма». Для многих польских шляхтичей служба в Отдельном Кавказском корпусе была весьма желанной, т.к. позволяла

поправить материальное положение и сделать достойную карьеру (Матвеев, 2015: 202-203). Но переменчивое воинское счастье нередко заставляло этих людей познать всю горечь и трудности плена.

Попад в руки горцев, они проводили долгие годы в неволе, и далеко не всем из них удалось вернуться к родному очагу. Из сохранившихся архивных дел мы можем узнать судьбу только тех, кому посчастливилось бежать или быть выменанным из плена. Но сколько на самом деле таких полоняников навсегда сгинуло на чужбине, видимо, узнать уже не удастся. В качестве иллюстрации обратимся к описанию злоключений лишь некоторых из этих людей, судьбы которых не похожи и одновременно напоминают друг друга.

Испытание двойным пленом выпало на долю тех поляков, которые оказались на Кавказе в результате участия во вторжении армии «двунадесяти языков» на территорию России в 1812 г. Относительно «повезло» некоему Овцентию Зимбровскому (в других документах он назван Вицентием Жембровским). В 1813 г. он был отправлен на Кавказскую линию, и уже на следующий год его выкрали местные «хищники» (так в официальных документах называли горцев, совершающих грабежи в пограничье). Но уже в 1816 г. он сумел совершить побег и выбрался к казачьему посту недалеко от станицы Прохладной. Обстоятельства пленения были характерны для боевой кавказской повседневности. Вместе с другими двенадцатью польскими военнопленными он был отправлен «в Константиновский редут для копания там канавы». Он вышел со своим товарищем из укрепления в ночное время и оказался схвачен четырьмя подкараулившими их «набежчиками». В дальнейшем поляков разлучили. Неизвестно, что стало со вторым невольником, а сам Вицентий, воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, сумел обрести свободу (ГАСК. Ф. 63. Оп. 5. Д. 595. Л. 4-4об.).

Гораздо дольше пробыл в неволе другой его земляк, «Андрей Матаушов сын Ласюк», переданный в феврале 1822 г. «мирным» чеченцем российской администрации. Сам он был варшавянином и являлся дворовым человеком помещика Петра Петровича Чапского. Когда тот собирал «из своих крестьян и разного рода людей в помощь французского войска тысяч до сорока», среди них оказался и Андрей, которому на тот момент было всего двенадцать лет. Под Смоленском отряд, в котором служил подросток, был разбит, и А. Ласюк оказался в плену (ГАСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 96. Л. 3). В 1813 г. его с прочими поляками отправили в Георгиевск, а оттуда в Кизляр. Следует отметить, что власти внимательно отслеживали перемещение таких партий и, помимо военного конвоя, назначали «для препровождения означенных поляк» благонадёжных чиновников из местных дворян (ГАСК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 26. Л. 52). Делалось это в том числе и для того, чтобы решать возникающие в пути различные непредвиденные проблемы, которые, видимо, случались достаточно часто. Оказавшись в непривычном климате, Андрей заболел и целый месяц находился в лазарете. За это время, по его словам, он «остался от отправленных в своё Отечество моих товарищей» и вместе с другими десятью пленными поляками был отпущен к местному армянину, купцу Качкасову, «для выработки себе денег». Кизлярские промышленники охотно нанимали рабочих для ухода за виноградными садами, с этой целью даже выкупая пленных, которые потом обрабатывали потраченную на них сумму своим трудом.

Но с А. Ласюком случилось совсем другая история. В течение недели он работал на Качкасова, «а в седьмую ночь тайно от товарищей моих приказчиком того армянина Качкасова из татар по имени Али, по прозванию мне неизвестному, продан я за 50 руб. серебром черкесену, коим и увезён за реку Терек в аул Казанице. где прожил пять лет» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 96. Л. 4об.). Неоднократные попытки бежать оказались неудачными. Его перепродавали от одного хозяина к другому и перевозили в разные селения. В конечном итоге он был доставлен очередным владельцем в крепость Неотступный Стан и отдан командиру 43-го Егерского полка подполковнику Терентию Варламовичу Сорочану. Чтобы подтвердить свою личность, он вспомнил, что среди его земляков были «были поляки по прозванию Вишневский, Иосип Леонтовский», которые, видимо, могли поручиться, что Андрей Ласюк говорил правду (ГАСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 96. Л. 5). Что касается тех приказчиков, которые продали юного поляка в горы, то их обнаружить так и не удалось. Старый купец Качкасов умер, а его наследник ничего не знал об этом происшествии. Сам же потерпевший от их коварства Андрей ничего о них рассказать не смог.

Его собратом по несчастью был «Ян Францов сын Качевич», который в 1825 г. сумел пробраться в русские пределы (возможно, был передан самими горцами, т.к. формулировка его пояснения допускает и такое толкование) и хотел отправиться дальше, в Польшу. Родился он в 1783 г. в Варшаве, был холост и в 1807 г. «поступил в польскую службу в 1-й пехотный полк, под командою шефа Бернардовского состоявший» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65. Л. 4). Во время сражения под Борисовым он был взят в плен и вместе с такими же польскими военными служащими был отправлен на Кавказскую линию. В 1814 г. на Минеральных Водах он вместе со своим товарищем Антоном Левичем оказался в руках у «людокрадов» и пробыл в горах двенадцать лет. Теперь он хотел «возвратиться в свою родину в город Варшаву, где имел отца варшавского мещанина Франциска Качевича и двух братьев» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65. Л. 4об.).

Пока личность Яна Качевича устанавливалась властями, он находился в Усть-Лабинской крепости, где разместили и других вышедших из неволи людей. Примечательно, что среди них оказался ещё один поляк – Якуб Томажевский, которого даже перепутали с Я. Качевичем (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65. Л.1-10б.). После того, как личность варшавского мещанина была подтверждена, ему выдали проездной билет, но тут оказалось, что средств, чтобы покупать в дороге еду у него нет. В своём обращении от 15 июля 1827 г. к Начальнику Кавказской области Георгию Арсеньевичу Емануелю он просил дать ему возможность заработать средства на пропитание, работая в Ставрополе сапожником, и временно разместить на постой у какого-нибудь жителя города. Но, видимо, проблема была быстро решена, т.к. уже 30 сентября «...Ставропольская градская полиция рапортом от 17 сентября сему правлению донесла, что означенной Качевич из города Ставрополя выбыл в свою родину» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 65. Л. 25).

Примерно в это же время решалась судьба другого «дважды пленника». Это был «Ян Ильнов сын, про прозвания Погиднов, лет от роду ему 46-ть, веры римско-католической, на исповеди и причастии временно бывал. Родился он Львовской губернии Пшимиславского уезда селения Егорова, от отца австрийского подданного Ильи и матери Матрёны Погидновых» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 2). Он так же в 1812 г. был захвачен русскими войсками и отправлен служить в Грузию. По дороге он из-за болезни отстал от своей партии, а потом, «...время следования по-за Терекком, когда узнали препровождавшие его казаки, что черкесы разбивают партии, то они бросили его, сами бежали, а он набежавшими закубанскими хищниками взят в плен, где и находился двенадцать лет, и оттоле поступил на обмен...» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 2-2 об.). Ещё полтора года он пробыл в крепости Кавказской и затем стал просить командование отпустить его на родину. Вместе с ним в Польшу хотел вернуться и другой бывший военнопленный Михайло Бровский, но 10 февраля 1827 г. он «...от натуральной болезни помер» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 1). Яну Погиднову же выдали открытый лист, в котором предписывалось обеспечить проезд «его не в роде арестанта, а единственно только для безопасности...» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 4). Увы, 9 марта 1827 г. он скончался и так и не смог перед смертью повидать родные места (ГАСК. Ф. 63. Оп. 6. Д. 71. Л. 8).

Обращает на себя внимание тот факт, что вышеупомянутые люди были выданы добровольно или обменяны у их владельцев. Такая практика прижилась на Кавказе и позволяла выручить немало невольников. Командование даже рекомендовало специально захватывать горцев, чтобы было из кого формировать «обменный фонд». Так, генерал Алексей Петрович Ермолов в своём приказе от 19 ноября 1820 г. войсковому атаману Черноморского казачьего войска, полковнику Григорию Кондратьевичу Матвееву отмечал, что черноморцам, которые страдали от набегов «людокрадов», необходимо взять на вооружение опыт их соседей, казаков-линейцев: «При сем приведу в пример Вашему Высокоблагородию, что на Кавказской линии точно тоже происходило пока казаки не обратились к строгой осторожности и чеченцы пользуясь их слабостью захватывали наших пленных получая за них после деньги, когда же выкуп запрещен, то казаки захватывая чеченцев выменивали за них своих пленных и теперь много уже содержится так что и променивать не на кого. По поводу чего мне желательно бы было, чтобы и черноморцы обратились к тем же мерам и тогда казна избавлена бы была от излишних издержек и закубанцы потеряли бы смелость и охоту к хищничествам» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 762).

Л. 16-160б.). Этот генерал и раньше весьма жёстко обращался с работоторговцами, требуя от непокорных обществ: «Пленные и беглые или мщенье ужасное!» (АКАК, 1875: 499).

Чрезвычайные обстоятельства побуждали к чрезвычайным мерам. И современники, оценивая шаги генерала, отмечали: «Даданиурт, Андреевская, окруженная лесом. Там, на базаре, прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, - ныне самих продавцов вешают» (Грибоедов, 1989: 208). Возможно, что в ряде случаев такая непреклонность российских властей и побуждала «хищников» избавляться от своих пленников, но полностью пресечь этот «промысел» долгое время так и не удавалось.

Весной 1851 г. из горского плена выбежал «солдат бывшего Тамбовского гарнизона Мартин Вожаховский», который пробыл в неволе около девяти лет (ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2654. Л. 2). Он был захвачен неприятелем на Темнолесских хуторах, когда следовал с отставным майором Александром Похоревым на Минеральные Воды. Известно, что сам Мартин Вожаховский прибыл на Кавказ из Варшавы и, возможно, служил денщиком у этого офицера. Пока шло следствие и власти разбирались с показаниями солдата, он находился под стражей в крепости Прочноокопской, куда его отправил начальник Урупской станции есаул Чугуевич, к которому первоначально и попал М. Вожаховский.

Видимо, горская неволя серьёзно подорвала здоровье беглеца, и он заболел тифозной горячкой. Его отправили на излечение в Ставропольский военный госпиталь, но спасти несчастного так и не удалось. 4 марта 1851 г. Мартин Вожаховский скончался. Родственников после его смерти либо не искали, либо их у него не было. По крайней мере, те вещи, которые ранее принадлежали отставному солдату («простого чёрного сукна чекмень, простого серого сукна штаны, тёплая чесучевая шапка, чевяки»), были проданы за 10 копеек серебром, а вырученная сумма перешла в пользу ставропольских городских властей (ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2654. Л. 8, 11-110б.).

Еще одним обстоятельством, из-за которого поляки оказывались сосланными на Кавказ, было участие в антиправительственных выступлениях 1830-1831 гг. Так здесь оказался 53-летний «...служивший в польских войсках Казимир Станиславов Левандовский...». Этот шляхтич родился в Кракове в семье военного. О себе он сообщил, что «в 1831 г. во время польского мятежа вступил на службу в польские войска, а именно в Уланский №2 полк, которым командовал генерал Дембинский, и когда мятеж русскими войсками был уничтожен, мы русским правительством были назначены в военную службу на Кавказ и Грузию» (ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5336. Л. 6). В окрестностях Ставрополя их партия оказалась атакована «татарами», и Казимир Левандовский со своими товарищами оказался в плену. Произошло это, скорее всего, в 1836 г., т.к. указанный в документе 1863 г. явно не соответствовал канве описываемых событий.

Он восемь лет жил среди убыхов, а когда попытался сбежать в укрепление Туапсе, его поймали и продали абадзехам. Там он женился на местной женщине, у них родились четверо детей, и казалось, что шляхтич окончательно смирился со своей участью. Но осенью 1863 г. он узнал, что поблизости от их селения находится русский отряд, и решил вновь испытать своё счастье. Как сообщал К. Левандовский, «я убежал к своим и был препровождён в укрепление Хадыжых, а оттуда Воинским Начальником в Ставропольское полицейское управление для водворения в Ставрополе на место жительства» (ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5336. Л. 60б.). Обращает на себя внимание то, что для него русские были своими, и он готов был рискнуть, чтобы пробраться к ним. Но недолго пришлось Казимиру пробыть на свободе. Уже 13 января 1864 г. он умер, находясь в Ставропольском военном госпитале, возможно, найдя в последние минуты утешение в том, что будет похоронен по римско-католическому обряду.

Конечно, далеко не все поляки, оказавшиеся в рядах Отдельного Кавказского корпуса, видели в Российской империи своё новое большое Отечество. Обида и неприязнь толкали некоторых из них к дезертирству. Только за август – октябрь 1834 г. из Тенгинского и Навагинского полков, славившихся своими боевыми традициями, бежало к «немирным» горцам 26 поляков (Очерки, 1976: 123). Справедливости ради отметим, что тогда же в донесении полковника Франца Карловича Клюки-фон-Клугенау, который действовал со своим отрядом в Аварии, были весьма лестные характеристики, данные польским военным служащим, которые, по его словам, «...отличались особенно примерным усердием и в опаснейших случаях составляли большую часть охотников» (АКАК, 1881: 594).

Как сложилась судьба этих беглецов, сохранили ли они свою свободу или пополнили ряды рабов, остаётся только догадываться. Возможно, они с оружием в руках стали сражаться против русских. О таких беглецах сообщал посол в Константинополе Аполлинарий Петрович Бутенёв, предупреждавший, что среди горцев «...скитаются несколько сот поляков, частью перебежавших из наших войск, частью проникших мало по малу сквозь турецкие пределы» (АКАК, 1881: 895). Но уместно вспомнить и историю, которую отразил в своём дневнике француз на русской службе Поль Гибаль. Путешествуя в 1818–1820 гг. по Крыму и Кавказу и будучи в селении Соук-сон, он был приглашён на ужин женой владетельного князя Абхазии Сафир-бея. Там он познакомился с поляком, уроженцем Лемберга, который ранее служил в австрийских войсках, а затем принял участие в войне Наполеона против России. Под Смоленском он попал в плен и был отправлен в Моздок, где, сговорившись со своими товарищами – выходцами из разных мест Польши, решил бежать к горцам. Они рассчитывали, что те, будучи враждебны русским, помогут им добраться до Константинополя. Около сотни дезертиров сумело добраться до Кабарды и «там они вскоре без опаски заявили, кто они такие, и кабардинцы сердечно их приняли, назвали своими братьями и спасителями-французами, пригласили на жительство в свои дома, устроив им ночлег, а на следующее утро эти же люди одну половину бедаг продали, а другую заковали в цепи» (Петерс, 2015: 423). И хотя, как отмечал П. Гибаль, горцы относились к своим рабам гуманно, «как к детям», вряд ли поляки были рады своему подневольному положению и, возможно, раскаялись в содеянном.

Да и «доброта» владельцев вызывает серьёзные сомнения. Это было скорее рачительное отношение хозяина к своей вещи, которая может принести пользу, пока находится в хорошем состоянии. Уместно вспомнить упоминавшегося ранее К. Калиновского, рассказавшего о судьбе раба, который также был доволен своим положением, пока не заболел. После этого «хозяин, не видя надежды исцелить своего раба, затащил его к ночи в соседний лес за ноги и бросил его в овраг, чтобы позволить ему умереть раньше» (Kalinowski, 1883: 122).

Командование даже выдвигало предложение казнить таких людей в назидание остальным. Впрочем, эта чрезвычайная мера была в Петербурге отвергнута как неуместная и политически вредная (Очерки, 1976: 123).

Из-за таких случаев определённые предубеждения против выходцев из Польши сохранялись и на бытовом уровне. Весьма наглядный пример из собственной жизни привёл служивший на Кавказе Михаил Фёдорович Фёдоров, которого приняли за беглого польского мятежника (он подходил «по описанию его примет») и в этой связи отнеслись к нему весьма настороженно (Фёдоров, 1879: 3-5).

Упомянувшееся автором секретное предписание о поимке «злоумышленника» было не единичным случаем, а достаточно часто рассылаемой директивой. Беглецы из Царства Польского разыскивались на территории империи, и соответствующие приказы высылались всем губернаторам (ГАСК. Ф. 63. Оп. 12. Д. 552; Д. 553; Ф. 68. Оп. 1. Д. 5639 и др.).

Конечно, оценивать всех польских военнопленных исключительно как лиц, враждебно настроенных к России и русским, было бы неверно. Понимали это и высшие сановники империи, которые напоминали местному начальству, что оно обязано «...если бы кто либо из обывателей в самом деле оскорбительными словами возбудил жалобы военных чинов, служивших в бывшей Польской армии, не оставить строго взыскать с него за таковой неприличный поступок, и сделать прочим внушение, чтобы они всемерно старались избегать таковых оскорблений» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 12. Д. 27. Л. 206.).

Здесь, очевидно, уместно привести мнение авторитетного польского специалиста Виктории Сливовской, которая, изучая судьбу ссыльнопоселенцев, оказавшихся в Сибири (ещё одном месте, куда отправляли выходцев из Польши) пришла к следующему выводу: «Целью всех видов ссылок от каторги до жительство не было истребление «неудобных» элементов населения, но их изоляция и, как сегодня модно говорить, ресоциализация; когда кончался назначенный срок (по амнистиям всегда сокращаемый) и власти приходили к выводу, что наказанного можно считать лояльным подданным, – он мог вернуться на родину» (Сливовская, 2010). Подтверждение такому выводу мы находим и на северокавказском материале (Цифанова, 2014: 88). Поляки, которые честно и добросовестно служили на новом месте проживания, пользовались всеми благами и привилегиями наравне

с другими подданными российского престола и могли рассчитывать на досрочное возвращение на Родину (ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 13-14).

4. Заключение

Плен и рабство были одной из обыденностей в северокавказской повседневности первой половины XIX в. Никто не мог быть уверен в том, что не станет жертвой набега и не окажется увлеченным в горы, чтобы пополнить ряды таких же страдальцев. И хотя российская власть предпринимала меры для пресечения такой практики, полностью избавиться от неё долгое время не удавалось. Размеры «пленопродавства» несколько сократились после того, как удалось уменьшить контрабандные связи между кавказскими племенами и Турцией, которая охотно скупала «живой товар». Но вплоть до завершения боевых действий в регионе случаи вывоза невольников в эту страну продолжались. Находил применение рабский труд и в самой горской среде, особенно если пленник обладал какими-то ценными профессиональными навыками. Его можно было содержать в заточении, в надежде получения выкупа или для обмена на собственных пленных, оказавшихся в руках российского командования (Дударев, 2017: 172-200).

У таких людей, как правило, оставался шанс обрести свободу. Многие зависело от физического состояния и морально-волевых качеств самого невольника. Они могли совершить побег или дожидаться помощи со стороны близких, готовых внести похитителям необходимую сумму выкупа. Сохранялось упование и на меры со стороны властей, старавшихся выручить этих несчастных. Если было кому хлопотать о судьбе человека, оказавшегося в руках «хищников», его шанс выйти из плена возрастал. Для поляков, многие из которых оказались на Кавказе в качестве пленных или ссыльных, надежды на благополучный исход были меньше. Они являлись чужаками, и рассчитывать на поддержку со стороны, как правило, не могли (Kalinowski, 1883: 39). Но и в такой ситуации находились люди, добивавшиеся желанной свободы и спустя годы, вырывавшиеся из горского заточения.

В сложившихся условиях у поляков менялось восприятие «своего» и «чужого». До этого русские выступали для большинства из них в качестве противника, но в новой ситуации они меняли своё мировоззрение, понимая, что по своей культуре и менталитету те гораздо ближе к ним, нежели представители горского мира.

Литература

АКАК, 1875 – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1875. Т.6. Ч.2. 954 с.

АКАК, 1881 – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1881. Т.VIII. 1009 с.

Баррет, 2000 – Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С.163-194.

Ван-Гален, 2002 – Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. С.349-455.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Грибоедов, 1989 – Грибоедов А.С. Горе от ума, письма и записки. Баку: Маариф, 1989. 401 с.

Дударев, 2017 – Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.

Карпов, 1996 – Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. 312 с.

Клычников, Цыбулькинова, 2011 – Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на

Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 255 с.

Матвеев, 2015 – *Матвеев О.В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.

Очерки, 1976 – Очерки революционных связей народов России и Польши 1815-1917 / Под ред. В.А. Дьякова, А.Я. Манусевича, И.С. Миллера, И.А. Хренова. М.: Наука, 1976. 604 с.

Петерс, 2015 – *Петерс Т.П.* Судьбы участников и пленных Отечественной войны 1812 года на страницах дневника путешествия в Крым и на Кавказ Поля Гибала в 1818-1820 гг. // Бородино и освободительные походы русской армии 1813-1814 годов: Материалы международной научной конференции, 3-6 сентября 2014 г. / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2015. С.417-426.

Сливовская, 2010 – *Сливовская В.* Польская Сибирь – мифы и действительность // Новая Польша. 2010. №1. <https://novpol.org/ru/ry2cLdMDj-/POLSKAYA-SIBIR-MIFY-I-DEJSTVITELNOST> (дата обращения 3.07.2018).

Фёдоров, 1879 – *Фёдоров М.Ф.* Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т.III. С.1-250.

Цифанова, 2014 – *Цифанова И.В.* Миграция как инструмент государственной политики (на примере польских переселенцев на Северный Кавказ // *Кант.* 2014. №1 (10). С.87-90.

Kalinowski, 1883 – *Kalinowski K.* Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukaziei niewoliu Szamila, od roku 1844 do 1854. Warszawa, 1883. 139 с.

References

АКАК, 1875 – Akty, sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu [ACAC, 1875 – *Acts of the Caucasian Archeographical Commission*] / Under the editorship A.P. Berzhe. Tiflis. Vol.6. Part. 2. 954 p. [in Russian]

АКАК, 1881 – Akty, sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu [ACAC, 1881 – *Acts of the Caucasian Archeographical Commission*] / Under the editorship A.P. Berzhe. Tiflis. Vol. 8. 1009 p. [in Russian]

Barret, 2000 – *Barrett T.M.* (2000). Liniineopredelyonnosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [The lines of the suspense: North-Caucasian frontier of Russia]. American russistics: Landmarks of the last years historiography. Imperial period: Anthology / Compiler M. David-Fox. Samara: Samara University Publishing house. pp.163-194 [in Russian]

Van-Galen, 2002 – *Van-Galen Huan.* (2002). Dva goda v Rossii [Two years in Russia] // The Caucasian war: sources and beginning. 1770-1820 yy. Seria: Memories of the Caucasian war participants of the XIX century. SPb.: «Zvezda» journal publishing house. pp. 349-455 [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [Krasnodar Region State Archives]

ГАСК – Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja [Stavropol Region State Archives]

Griboedov, 1989 – *Griboedov A.S.* (1989). Gore o tuma, pis'ma iz apiski [*Sorrow with the mind, letters and notes*]. Baku: Maarif. 401 p. [in Russian].

Dudarev, 2017 – *Dudarev D.S., Dudarev S.L.* (2017). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – sere diny XIX veka [*The Northern Caucasus to the eyes of the Russian society representatives in the first half – middle of the XIX century*]. Armavir; Stavropol: Design-studio B. 402 p. [in Russian].

Karpov, 1996 – *Karpov Yu.Yu.* (1996). Dzhigit i volk: Muzhskie soyuzy v sociokul'turnoj tradicii gorcev Kavkaza [*Jigit and wolf: Masculine unions in the social and cultural tradition of the Caucasian highlanders*]. SPb. 312 p. [in Russian].

Klychnikov, Cybul'nikova, 2011 – *Klychnikov Yu.Yu., Cybul'nikova A.A.* (2011). «Takbujnuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) [*“So the violent liberty is restricted by laws...”: The struggle of the Russian statehood against the depredation in the Northern Caucasus (historical essays)*] / Under the editorship and with the preface of B.V. Vinogradov. Pyatigorsk: Advertising Information AgencyCMW. 255 p. [in Russian].

Matveev, 2015 – *Matveev O.V.* (2015). Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki [*The Caucasian war: from the front to the frontier. Historical and anthropological essays*]. Krasnodar: Ehdvi. 272 p. [in Russian].

Ocherki, 1976 – Ocherki revolyucionnyh svyazej narodov Rossii i Pol'shi 1815-1917 [*Essays of revolutionary contacts between Russia and Poland. 1815-1917*] / Under the editorship of V.A. Diakov, A.Y. Manusevich, I.S. Miller, I.A. Hrenov. M.: Science, 1976. 604 p. [in Russian].

Peters, 2015 – Peters T.P. (2015). Sud'by uchastnikov i plennyh Otechestvennoj vojny 1812 goda na stranichah dnevnika puteshestviya v Krymina Kavkaz PolyaGibalya v 1818-1820 gg. [*Fates of the participants and captives of the Patriotic war 1812 year in diary pages of the Crimean and Caucasian journey of Paul Gibal in 1818-1820 yy.*]. Borodino and liberating campaigns of the Russian army of 1813-1814: Materials of the international scientific conferention, 3-6 september 2014/ Compiler A.V. Gorbunov. Borodino. pp. 417-426 [in Russian].

Slivovskaya, 2010 – Slivovskaya V. (2010). Pol'skaya Sibir' – mify i dejstvitel'nost' [*The Polish Siberia – myths and reality*]. *New Poland*. №1. <https://novpol.org/ru/ry2cLdMDj-/POLSKAYa-SIBIR-MIFY-I-DEJSTVITELNOST> (data obrashcheniya 3.07.2018) [in Russian].

Fyodorov, 1879 – Fyodorov M.F. (1879). Pohodnye zapiski na Kavkaze s 1835 po 1842 god [*Notes of campaigns in the Caucasus from 1835 till 1842 year*]. Caucasian collection. Tiflis, 1879. Vol. 3. pp. 1-250 [in Russian].

Cifanova, 2014 – Cifanova I.V. (2014). Migraciya kak instrument gosudarstvennoj politiki (naprimere pol'skih pereselencev na Severnyj Kavkaz [*Migration as the instrument of state politics (following the example of polis settlers to the Norther Caucasus)*]. *Kant*. №1 (10). pp. 87-90 [in Russian].

Kalinowski, 1883 – Kalinowski K. (1883). Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukaziei niewoliu Szamila, od roku 1844 do 1854 [*The diary of my exile to the Caucasus and being in Shamil's captivity from 1844 till 1854*]. Warsaw. 139 p. [in Polish]

«Я убежал к своим...»: судьбы поляков, захваченных в плен горцами Северного Кавказа в первой половине XIX века

Юрий Юрьевич Клычников ^{a, *}, Сергей Степанович Лазарян ^a

^a Пятигорский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В работе раскрываются обстоятельства пленения выходцев из Польши горцами Северного Кавказа. Дается оценка военно-политическим причинам, по которым поляки должны были находиться в этом регионе. Показаны перипетии их жизни на чужбине, реконструированные по их собственным рассказам. Описываются шаги российской администрации, которая выясняла обстоятельства нахождения их в руках горцев и решала дальнейшую судьбу этих людей. Выясняются изменения восприятия поляков «своих» и «чужих» в условиях экстремальной ситуации.

Ключевые слова: поляки, горцы, плен, неволя, побег, война, набег, окраина, граница, империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: klichnikov@mail.ru (Ю.Ю. Клычников), aflost@yandex.ru (С.С. Лазарян)